

«Бенрия» возвращались в контору пустыми закоулками.

Уорику особо нечего было сказать Николасу. Вместо болтовни он решил провести время с пользой и кое-что припомнить. Например, что же было в документах семьи Ломбарди, которые он полистал в полицейском участке. Или детали того, что рассказывал Дарио. Или вот что было на фото Йохана и его сестры. И, наконец, просьбу одной женщины...

Стоило им свернуть за угол узкой улочки, как Николас стал принюхиваться. Взгляд у него стал настороженный. Уорик потянулся за пистолетом, а Николас поспешно достал из кармана «церебре», готовый в любую секунду отвинтить крышку.

И тут в банку что-то врезалось.

Метательный нож пролетел мимо с тихим, почти птичьим, свистом и вонзился в стену рядом. Удар выбил пузырёк из рук Николаса и расколот его надвое. Покрутившись в воздухе, баночка упала, таблетки рассыпались по земле.

Неужели ещё кто-то верил, что в убийствах мафиози виноваты «Бенрия»? Или...

Как ни крути, а на них напал сумеречный. Это можно было понять лишь по тому, как он выбил пузырек, стоило только Нику потянуться за «церебре».

И в следующий миг в них стали стрелять. Выпустили четыре пули, каждую — чуть под другим углом, чем предыдущую. Враг прятался где-то сверху, может, передвигался по крышам и со снайперской точностью посылал в Ника пулю за пулей.

Однако Николас, крепко сжимая катану, легко их отбивал. Звон металла эхом расходился по узенькой улочке. Уорик всё никак не мог разглядеть нападавшего, но успел предположить, где он может быть: понял по взгляду Николаса. Уорик отошёл в сторону, чтобы не мешать напарнику.

— Ну как? Справишься?

«Помолчи! — показал Николас и ухмыльнулся одним только уголком рта. — Я тут развлекаюсь, не видишь? Не лезь».

Присмотревшись, Уорик заметил на штанах Николаса пулевое отверстие, сочащееся кровью. Похоже, пуля задела левую икру.

— Скверно.

Уорика тут же прошиб холодный пот. Нет, рана казалась неглубокой, однако пугала не она, а то, что напарник не сумел увернуться. А это значит, что схватка может стоить Нику жизни. Будь он один, и его бы никто не сумел ранить: отскочил бы в сторону прежде, чем пуля долетит. Но тогда у него за спиной был Уорик, которого нужно защищать, и Нику ничего не оставалось, кроме как стоять и отбивать пули.

Уорик знал: стоит противнику переключиться с Ника на него, и напарнику не сдобровать.

Если надо кого защищать, Николас и с места не сдвинется, но тогда его любимая катана совершенно бесполезна: того, кто атакует на расстоянии, никак не достанет. И тогда выбор один — защищаться, но так Ник рано или поздно ошибется, это вопрос времени. Очевидно, противник никому не даст передышки.

Уорик прикинул, что враг, скорее всего, некоторое время будет держать расстояние и стрелять по Нику, а потом переключится на него, Уорика. Поступить иначе — лишиться преимущества. Врагу просто не выгодно что-либо менять. Но вскоре оказалось, что Уорик ошибся.

Ещё две пули и метательный нож засвистели по воздуху и влетели в Николаса, а затем к нему бросился и сам враг.

Оттолкнувшись от стены, он на полной скорости влетел в Ника, а когда осталось всего ничего, замахнулся на него чем-то. В руках врага была проволока с грузилом, которая и рассекла воздух с пронзительным свистом. Николас выставил катану, и, когда проволока намоталась на лезвие, что было силы потянул на себя. Пытаясь освободиться, противник оттолкнулся от земли и в прыжке хотел было сдёрнуть проволоку с меча, но не смог. Не успел Уорик и глазом моргнуть, как завязалась ожесточённая схватка. Ник, естественно, пустил в ход катану, а его противник достал кривой нож и стал защищаться. Уорик так и не разглядел, потрудились ли вообще вынуть лезвие из ножен.

Выходит, враг совершенно не хотел достать Уорика?

Пытался соблюдать те три закона? Или просто помешался на драках с сильным противником, как и все сумеречные? Ну раз так, то против Николаса ему не выстоять: мало кто мог выйти против напарника Уорика один на один. Будто подтверждая этот закон, Ник с лёгкостью выбил нож из рук противника.

Нет, не выбил.

Всё выглядело так, будто враг специально выпустил нож. И не успел Уорик догадаться, зачем, как как раздался выстрел.

Да уж... следить за дракой Уорик не поспевал.

Враг выстрелил в Ника почти что в упор, но феноменальная реакция помогла тому увернуться. Вот только Ник как будто потерял равновесие, но почти тут же воспользовался ситуацией: врезался в противника всем телом, навалился и обрушил мощный удар кулаком. Получив его, неизвестный поспешил отскочить метра на три и поднять отброшенный нож. Враг медленно распрямился.

И только тогда Уорик разглядел, кто был перед ними.

Йохан.

Его лицо ничего не выражало, а глаза он прикрыл, как это делают лунатики. Он даже не поглядел на Николаса, когда тот стал поспешно сдирать с катаны проволоку.

И прежде, чем напарник снова кинулся на Йохана, Уорик выступил вперёд и схватил Николаса за плечо, повернул к себе и прошептал:

— Прости, что испортил всё веселье, но сейчас моя очередь.

«Будешь драться с ним — умрёшь».

— Посмотрим. Не такой уж я и хилый. — Уорик повернулся назад к Йохану. — И кроме того, мы ведь самое надёжное агентство в городе. К заказам нужно относиться серьёзно.

Говоря это, он стоял спиной к Николасу, и не знал, сумел ли тот прочитать его последние слова по губам. Тем не менее напарник больше не пытался его остановить.

Уорик направился в сторону Йохана. Юноша наконец открыл глаза, и на его лице отразилось удивление. Уорик всё приближался. Он подходил ближе и ближе, и в итоге встал к Йохану почти вплотную, едва не напоровшись на нож, который юноша держал в руках. Но этого не случилось — Йохан поспешно убрал нож.

— Что такое, малыш Йохан? Разве ты не собирался нас убить?

Тот не нарушил молчания, но Уорик все равно терпеливо ждал ответа.

Наконец юноша произнёс тонким голосом:

— Тебя убивать ещё не разрешили.

— Ты что, каждый раз, когда хочешь подраться, спрашиваешь разрешение у старшего брата?

— Такие уж мы, сумеречные. Кому, как не тебе, это знать.

— Но вы отличаетесь от других.

Если за теми убийствами мафиози стоит Йохан, получается, плевать он хотел на Три Закона, а это в свою очередь нарушает баланс сил в городе.

— Так той ночью ты позволил себя избить, потому что у тебя не было разрешения?

— Дарио сказал: не драться без крайней необходимости.

— Надо же. Не ожидал от него таких разумных слов.

— Думаю, он отдал этот приказ из прихоти. С другой стороны, чутьё ему всегда подсказывает, что делать.

— Я не был бы так уверен. Хорошо, если ты всё правильно понял.

Уорик вспомнил всё снова: бумаги семьи Ломбарди и фото Йохана с девочкой... и улыбнулся своей натренированной до автоматизма деловой улыбкой, а потом спросил:

— Ты, случайно, не Софию ищешь?

Шея у него больше не болела, но он знал, что на ней ещё остались бледные следы двух одинаковых порезов.

София... На это имя он наткнулся, листая документы семьи Ломбарди. Только вот её не было среди членов клана. Она значилась в каталоге, рядом с проститутками обоего пола в разделе «динамит».

Йохан усмехнулся. Один его глаз вдруг сделался больше другого, словно деформировались сами глазные яблоки.

— Ясно, так это были вы.

— Да, я нравлюсь девушкам больше Ника.

— Я не об этом, — покачал головой Йохан, — Вы слишком сильно пахнете.

— Как невежливо. Нельзя, конечно, сказать, что я помешан на чистоте, но всё же...

— Я о духах. Вы пахнете так сильно, что я почти не чую сестру.

София покинула их уже больше месяца назад, но Йохан всё равно различал её запах. Безумие какое-то.

Уорик наклонил голову.

— Мы не бежим и не прячемся. Сегодня вечером мы придём к Дарио. Давай сейчас разойдёмся по-хорошему.

— Простите, но я не согласен.

— И что ты будешь делать? Наплюёшь на приказ брата и воткнёшь в меня свой ножичек?

Йохан молчал. С этим растерянным выражением лица он до боли напоминал ребёнка. Похоже, его обычная застенчивость — никакое не притворство.

— Отступи, мальчик. Это взрослые игры. Но ты не переживай. Ник, похоже, уже завёлся, вы ещё вдоволь наиграетесь.

Йохан какое-то время неотрывно смотрел на Уорика. Потом развернулся и пошёл в противоположную сторону. Уорик обернулся к Нику.

Тот показал пальцем вниз: «Дай мне сразиться здесь и сейчас».

— Не спеши так. Мы исполняем заказ клиента.

«Не знаю я ни о каком заказе».

— Я что, тебе не рассказал?

Заказ Софии.

«Спрячь меня на три года».

Она прекрасно понимала, что скоро умрёт, и на чудо даже не надеялась. Поэтому он никак не мог понять, зачем она оставила заказ.

И только теперь Уорику стало ясно.

Как бы там ни было, а тот заказ он принял, а теперь к тому же понял, ради чего она просила его. И как ни крути, выбор только один — исполнить её волю.

Объяснить, что и как, Николасу, оказалось непросто. Даже в лучшем расположении духа он вряд ли бы заинтересовался подробностями, а тут пришлось втолковывать ему в прескверном настроении. Прескверном потому, что Уорик силком отложил схватку. Ник яростно спорил, пытаясь хоть так выпустить пар.

«Чушь! Эта твоя София была как минимум на десять лет старше мальчишки. Как она может быть младшей сестрой?»

— Как я уже говорил, у Йохана странная компенсация. Разные части тела стареют с разной скоростью. Если заглянуть ему под куртку, вполне может оказаться, что правая рука у него как у старика, а левая — как у младенца.

«Хочешь сказать, он гораздо старше, чем кажется?»

— Предполагаю, что как раз наоборот. Думаю, у Софии была та же компенсация, и поэтому у неё было лицо взрослой женщины.

Теперь он припомнил, как она старалась ни в коем случае при нём не оголяться. Даже просила, чтобы её кремировали в одежде. Поначалу Уорик думал, что он с ней — ровесники, но теперь знал точно: она как минимум на десять лет младше него.

Такая компенсация — наверняка тяжёлая ноша, особенно для девушки. Будь она жива, он бы постарался её утешить, но теперь уже поздно, ничего не поделаешь.

«И почему тогда малец всем показывает старое фото? Он что, дурак?»

— Ты тоже видел этот снимок, Ник? Вот где собака зарыта.

И хоть смысл был не ясен, Уорик догадывался, отчего так вышло.

Расспрашивая о сестре, Йохан не упоминал о её странной компенсации, а значит, София всё скрывала.

И Уорик вспомнил, как Тео оценил её состояние:

«По ней не скажешь, но у неё напрочь отказали все органы».

Тогда Уорик решил, что это из-за постоянных передозировок «церебре», но теперь думал, что, возможно, всему виной компенсация.

Если предположить, что София начала стареть изнутри, она вполне могла скрыть свою компенсацию от Йохана.

Под конец Николас окончательно вышел из себя и и резко прожестикуюлировал:

«Скажи уже: они или не они убивают мафиози?»

— Я почти на сто процентов уверен, что они. Сначала была семья Ломбарди, а затем те, кто с ней сотрудничал. И всё ради того, чтобы отыскать Софию.

«Ну так уберём их и дело с концом!»

— Хм. Думаю, тебе и такого понимания хватит, — кивнул Уорик, поглядывая на левую ногу Ника.

Пулевое отверстие по-прежнему кровоточило. Похоже, рана куда серьёзней, чем казалась.

— Ты как вообще?

«Нормально. Я не такой слабак, как некоторые».

— Попроси Нину перевязать.

Вместо ответа Николас зачесал в затылке.

За пустыми разговорами они и сами не заметили, как вернулись в контору. И стоило открыть дверь, как зазвонил телефон.

Солнце почти село, и Уорик уже считал, что звонить в такое время — та ещё наглость, но трубку всё-таки поднял. Звонил Майлз, старик из семьи Монро.

Пугал он не меньше самого Монро, но на деле был добрее и ближе общался с «Бенрией». Хорошо, что позвонил именно он: с ним довольно просто иметь дело. И всё же ситуация напрягала, в особенности то, что он позвонил сам.

— Я удивлён. Обычно вы нам не звоните, господин Майлз.

— Приказ босса. Говорит: так о вас, сорванцах, беспокоится, что аж не спится ему.

«Ага, конечно», — подумал Уорик и язвительно ухмыльнулся.

— Как продвигается?

— Нашли подозреваемых, — кратко отрапортовал Уорик. Майлз хмыкнул в ответ.

— От вас, «Бенрия», мы меньшего и не ждём.

— Естественно. Наш козырь — серьёзное отношение к работе.

— Вы же позаботитесь о них, не так ли?

— Не сомневайтесь, — ответил Уорик.

Мафия была одной из тех редких организаций, которая если и мстит за своих, то с умыслом и трезвым расчётом. Они руководствуются принципом «если кто-то поступил с тобой дурно — отплати ему той же монетой». Только так в мире, полном насилия, можно не беспокоиться за свою шкуру: не будут связываться. Именно поэтому титул «отца мафии» — не просто статус, а хороший заклад, хорошая гарантия. И поэтому мафиози всегда ищут мести за каждого своего пострадавшего.

Так вышло, что убийцы мафиози насолили уж слишком многим группировкам, и теперь охотников за их головами хватало. Вскоре сама возможность отплатить убийцам станет яблоком раздора между кланами. Но, учитывая текущую расстановку сил в Эргастулуме, вряд ли кто-нибудь возмутится, если роль мстителей достанется семье Монро. А ещё лучше, если убийц прикончат какие-нибудь мелкие преступники вроде Уорика с Николасом — так будет меньше споров. Скорее всего, именно поэтому Даниэль Монро не давал приказа привести убийц мафиози живыми.

— Я планирую уже завтра доставить вам их. В упаковке и с бантиком сбоку. Как раз хотел спросить: любит ли господин Монро фиалки?

— А?

— Цветы. Я тут набрёл на лавочку, которая ими торгует, — очень они там хороши. Нельзя же, чтобы от подарка несло кровью.

Майлз помолчал, возможно, пытаясь разгадать, что за намерения скрываются за этим

вопросом. В конце концов, решив не вмешиваться, он мягко ответил:

— Это уже на твой вкус. Позвони мне завтра, как закончишь.

— А если я отстану от графика? — ответ Уорик уже знал, просто хотел уточнить.

— Многие семьи пока сдерживают гнев. Но если они сорвутся, трупов станет больше на порядок, и кто именно попадётся под руку, предсказать невозможно, — мягко намекнул Майлз и повесил трубку.

— В каком жестоком мире мы живём! — пробормотал Уорик и последовал его примеру.

И пусть Уорик с самого начала не рассчитывал отделаться малой кровью, теперь он окончательно понял, что дело никак не закончить, просто отрезав пару пальцев.

Почти у всего на свете есть свои плюсы и минусы.

«Ну что за жизнь! Не успел порог перешагнуть, а уже звонит мафия!» — нередко вздыхал Уорик. Но в то же время такие превратности судьбы напоминали ему, какое же у него место в этом мире. Как и у всего на свете, у цепкой памяти есть и плюсы, и минусы. Плюс: ты помнишь все подробности, все места, где только побывал. Минус: именно поэтому никак не заставить себя прибраться в собственной комнате.

Уорик спустился на кухню и снял ожерелье с крючка, где оно висело рядом с поварёшками. Оно было серебряное, в форме крыла ангела.

«Так вот что забыл прихватить?» — прислонившись к стене, Николас раздражённо скривил губы.

— Это аванс за заказ.

«Как ни посмотри — просто дешёвка».

Уорик покрутил ожерелье на указательном пальце.

— Верно. Похоже, я сделал ей слишком большую скидку, а она ведь даже не была в моём вкусе. Ну что сделано, то сделано, заказ уже принят.

«Да она же померла давно!»

— Ага. Заказ от мёртвой. Такой придётся выполнить даже ценой собственной жизни.

«Всё равно не понимаю. Скажи уже, что за заказ-то?»

Уорик не удостоил его ответом, только надел ожерелье на шею.

— Точно. Было в ней кое-что цепляющее. Я, знаешь ли, предпочитаю женщин, у которых макияж идеален, даже если они знают, что скоро умрут. Желание хорошо выглядеть до самого конца — вот что придаёт макияжу смысл.

«Что мне-то делать? Отвечай».

— Легче лёгкого, — ухмыльнулся Уорик, глядя в чёрные глаза напарника. — Как ты и сказал, они — убийцы мафиози. Прикончи их, да и дело с концом.

Николас ответил ему дикой ухмылкой.

«Люблю понятные задания».

«Бенрия» взялись выполнить заказ мёртвой. И, конечно, заказ от босса мафии тоже выполнят, пускай им не оставили выбора. В этот раз заказы друг другу не противоречат. Можно считать, повезло.

— Делать всё красиво мы не обязаны. Достаточно просто в точности выполнить заказы. Без излишеств. Как и всегда, напарник.

Николас пошёл вперёд, даже не дослушав. Уорик последовал за ним. Уже на выходе из конторы он дотронулся до ожерелье. Оно натирало, потому то было ему маловато.

***Когда Йохан вернулся в палату, Дарио вовсю храпел.

Они были знакомы уже год, но что творилось в голове у этого коротышки, осталось для Йохана загадкой.

Иногда Дарио даже казался ему полнейшим придурком. Йохан осознавал, что и сам не образчик прекрасных манер, но если сравнивать с его компаньоном, он ещё ничего.

С другой стороны, как-никак Йохан уважал Дарио.

По крайней мере, стараниями Дарио оба ещё живы. Точнее, именно он не давал Йохану умереть. И такая жизнь была куда лучше той, которую юноше приходилось вести прежде, чем он попал в руки к Дарио. Такие чудеса творят только тупицы, никудышные бойцы и великолепные нюхачи. То есть один только Дарио.

Нет, и у Йохана отличный нюх, ведь сумеречный во всём, что касается тела, даст «нормальному» сто очков вперёд, но даже среди сумеречных Дарио мог похвастаться прекрасным чутьём.

Он улавливал самые важные запахи. Пускай нос у него частенько бывал воспалён, а в пору цветения из него лилось ручьём, но нюх Дарио вёл их вперёд и только вперёд. А теперь вон докуда они добрались.

«У меня больше ничего не осталось, — подумал Йохан. — К тому же я долго не протяну».

Но кое-что у него всё-таки оставалось: толика свободы, которую подарил ему Дарио.

***Отца своего Йохан не знал. Не знал даже, как его звали.

О своей матери он знал едва ли больше. Всё, что ему удавалось вспомнить, — как его гладят по голове худой и жесткой ладонью. И почему-то Йохан верил: эта рука — материнская.

Его младшая сестра София не знала даже этого. Говорили, их мать умерла, когда Йохану было три, а Софии всего-то шесть месяцев. А почему умерла мать — никто не слышал.

К тому времени, как Йохан достаточно подрос, чтобы понимать, что творится вокруг, он и сестра уже стали собственностью мафии.

Такая жизнь никогда не казалась ему ни странной, ни горькой. Просто такая им досталась доля.

Хозяева время от времени менялись.

Первая семья обращалась с сумеречными как со скотом. Кормили какими-то помоями, а, встав не с той ноги, ещё и били. Но первая семья перешла дорожку каким-то другим мафиози и проиграла. Победители забрали Йохана и Софию в качестве трофеев. Йохану, кажется, было лет восемь.

Вторые хозяева оказались поспокойнее. Для них сумеречные были товаром, поэтому ими занимались хотя бы по минимуму. У них Йохан научился тренироваться и читать. Эта же семья доверила ему первый в жизни заказ на убийство. Обычно с Йоханом и Софией никто лишняя раз не заговаривал, но регулярно давали еду и постель, если дети выполняли всё что положено. А после их продали другой семье и дорого: женщина, которая всё это время ухаживала за детьми, на прощание аж похвалила их. Йохан даже не знал, как её зовут.

Так или иначе, Йохану было двенадцать, а Софии — девять, когда они оказались у одного человека.

Того звали Липучкой. Конечно, имя не настоящее, а только прозвище. Йохан как-то подслушал, что прозвали его так за длинные сальные лохмы. Настоящего имени хозяина дети так и не узнали.

Липучка был молод, а уже сделался капореджиме при одной мафиозной группировке Норт Гейта — не самой маленькой, кстати. Должно быть, Липучка был настоящим трудоголиком, раз так высоко поднялся. А ещё он был властен и эгоистичен. Знал, как применять силу, чтобы добиваться своего. Вот отчего и купил Йохана и Софию — чтобы обзавестись оружием для себя любимого.

Йохан точно знал, что при первой встрече Липучка ими совсем не заинтересовался. Он даже не потрудился кинуть взгляд на лицо мальчика — только дёрнул на себя висящие у него на шее жетоны да хмыкнул: «На троечку».

Отпустив жетоны, он неожиданно ударил Йохана кулаком в лицо. Было не особо больно, к тому же кроме побоев мальчик ничего не знал, поэтому и не шелохнулся. Глядя на него, Липучка захохотал во всё горло.

— А он смелый — этот урод! Может, на что-то и сгодится. Слышите, — обращался Липучка не к Йохану, а только к своим подручным, — этих недоделков мне недостаточно. Я ещё достану себе кого-нибудь класса «А», попомните моё слово. Эти — на первое время. Выжму из них всё.

Сумеречным присваивали класс, состоящий из буквы и цифры. В то время Йохан относился к классу «С-2», а София — «D-1». Раздобыть сумеречного класса «А» было посложнее, чем мерседес класса «люкс», — настолько они были редкие.

— И не вздумайте их изгадить, ясно вам? Какие-никакие, а всё-таки моё оружие.

Так началась их жизнь под властью Липучки.

Уродом Липучка назвал Йохана неслучайно.

В двенадцать лет правая рука мальчика была гораздо больше левой. Он отлично обращался с оружием обеими руками, и поэтому ладони у него были грубые, но если левая рука оставалась детской, то правая была рукой взрослого мужчины: шершавой, морщинистой, узловатой, с выступающими суставами.

По приказу Липучки Йохан убил немало людей этими руками — детской левой и взрослой правой. София, кстати, не слишком-то от него отставала. Липучка обычно распоряжался убивать всех подряд: предателей, конкурентов и даже излишне громко лающих бродячих псов. Для этих поручений детям всегда не доставало силы, поэтому, чтобы выполнить волю хозяина, они компенсировали слабость тела конскими дозами «церебре», тем самым быстро сокращая отмеренный им срок. И пусть Липучка был груб, но хитрости ему не занимать. Он прекрасно понимал, где заканчиваются возможности Йохана и Софии, и никогда не промахивался с выбором жертвы. Дети всегда справлялись.

Очень скоро Йохан начал получать от больших доз «церебре» своего рода удовольствие. Ему нравилось забывать, кто он, и растворяться в чистой жажде насилия, порождённой энергией, переполнявшей его тело. Когда он убивал, не нужно было ни о чём думать. Частенько его выворачивало от отвратительного запаха крови, которая толчками покидала тела жертв, и пусть те страдали, но у Йохана неизменно поднималось настроение. По крайней мере, пока он мог убивать, а каждый день был полон резни и издевательств над собственным телом, Йохану не нужно было ни о чём волноваться.

Йохан жил глубоко несчастным человеком и не осознавал этого. Его сердце никогда не разбивали лишь потому, что с самого рождения он не знал ни одного счастливого мгновения.

А зачем искать того, о чём ничего не знаешь? И если ничего не искать, то просто существовать — не так уж и сложно.

Но однажды, спустя два года после того, как их с сестрой купил Липучка, Йохан немного изменился.

В то время он учился управляться с разным оружием, включая ножи и пистолеты. Это был приказ Липучки. Тот хотел, чтобы Йохан стал ещё смертоноснее. Поскольку руки у мальчика были разного размера, ножи подходили тоже разные, и пока он искал безупречный клинок, успел опробовать и освоить очень многое. За два года Йохан не слишком-то вырос: отчасти — из-за своей необычной компенсации, поэтому в бою предпочитал полагаться на скорость и маневренность. Кроме того, он обогатил свой боевой стиль приёмами с использованием крупного оружия и научился менять его, подстраиваясь под любые обстоятельства.

В обязанности Йохана входило обеспечение безопасности, и поэтому он жил на в маленькой хижине на задворках поместья Липучки. В тот день он закончил тренировку во дворе и уже направился к своему жилищу, как вдруг уловил тихий скулёж

За хижинкой на корточках сидела София и протягивала кусочки хлеба, оставшиеся после обеда, старому грязному псу. Йохан не разбирался в породах, но сразу догадался, что этот породы не имеет. По первому взгляду понятно, что за пса хороших денег не выручить.

София, слышав его шаги, вздрогнула от удивления и резко повернулась. Увидев брата, она с облегчением вздохнула.

— Что с псом? — спросил Йохан.

— Ранен.

Йохан внимательно осмотрел пса. Точнее, втянул носом воздух.

Левая лапа и вправду повреждена — он чувствовал, как от неё тянет кровью. Но рана почти зажила.

София улыбнулась.

— Думаю, скоро снова забегает.

— Давно ты?

— Что?

— Давно ты заботаешься о псе?

— Где-то с неделю.

Животные довольно сильно пахнут, и Йохана страшно удивило, что он заметил пса только сейчас. Но потом он быстро понял, как так вышло.

Ему просто было плевать. Плевать на пса. Плевать на свою сестру. Он ко всему был равнодушен.

Йохан отчего-то вдруг ужасно смутился и принялся вертеть в руках нож, с которым только что упражнялся, не отрывая от сестры пристального взгляда.

Что это с ним такое?

Голова у него кружилась.

«Как этой малышке вообще пришло в голову заботиться о бродячем псе?»

Он думал, что София — такая же, как он. Что она убивает, а между убийствами — просто существует, и что она смирилась с такой жизнью. И всё же как она... как его сестра, которая родилась и выросла с ним бок о бок, могла теперь делить хлеб с псом да ещё улыбаться? — Йохан не мог понять.

В ту минуту маленькая девочка, сидевшая перед ним на корточках, вдруг показалась ему дороже всех на свете. Йохан убедился в том, что София — не такая, как он.

Он подошёл поближе и тихонько погладил сестру по голове. Его никто этому не учил — всё вышло как-то само. А может быть, он вспомнил прикосновение материнской руки ещё с тех времён, когда был несмышлёнышем.

София чуть удивилась, а затем её лицо расплылось в улыбке.

— Что такое, братик?

— Да ничего, — Йохан не мог подобрать подходящих слов. — Ты такая умница, София, — наконец выдал из себя он.

Он прикоснулся, сестра улыбнулась, и в груди Йохана зародилось странное чувство — будто кто-то тихонько погладил его кончиками пальцев. Так Йохан впервые в жизни испытал счастье.

«Меня уже не спасти. Но пусть хотя бы она останется не сломленной», — взмолился Йохан, желая защитить доброту в душе сестры, которую она сберегла, чтобы излить потом на бродячего пса. И это при том, что брат с сестрой убили многих и очень многих.

Той же ночью Йохан услышал выстрел, и от него любовь к сестре стала сильнее.

Выстрел.

Не в первый и не в последний раз этот громкий и печальный звук эхом прокатился по двору поместья. В конце концов, Липучка наживал себе врагов так же легко, как дышал.

Но в этот раз Йохан почувал беду. Выстрел был только один. Непохоже, будто на поместье напали.

В воздухе пахло порохом, кровью и псиной.

А ещё двумя людьми — Софией и Липучкой.

Вот что почувствовал Йохан, выходя из хижины.

Одного взгляда хватило, чтобы понять, что здесь произошло.

Ухмыляющийся Липучка высунул голову из окна. Во дворе стояла София со слезами на глазах. В руке она сжимала пистолет. Пёс распостёрся на земле, в луже тёмной крови.

Завидев Йохана, Липучка обратился к нему с гаденькой улыбочкой:

— Эй, ты же её старший брат! Займись-ка её воспитанием! Хватит ей таскать к нам мусор.

«Ничего нового, — подумал Йохан. — Липучка говорит убить, и мы убиваем. Всё как всегда».

Йохан не разозлился. Но видеть, как София плачет, было невыносимо. Пёс лежал, не издавая ни звука, и тогда Йохан, чувствуя отвратительный запах крови, приблизился к нему.

Животное, похоже, умирало. Йохан посмотрел на его окровавленную морду и раздавил его череп ботинком. Всё равно что на яйцо наступить.

София тихонько вскрикнула, и наступила долгая гнетущая тишина. А после девочка разрыдалась.

— Эй, пусть она перестанет! Аж слушать противно. И мусор убери, — раздражённо приказал Йохану Липучка и захлопнул ставню.

Йохан прижал к себе Софию.

— Это не ты его убила, а я.

Младшая сестра всё рыдала в его объятьях.

— Не ты его убила, — повторял и повторял Йохан.

И тогда понял, что никто не смеет её обижать. И что на всех ему плевать, но Софию он должен защитить любой ценой.

— Тихо, тихо, ну не плачь. Пожалуйста.

«В следующий раз, — подумал он тогда, — «подарю ей что-нибудь, что не умрёт».

Вскоре ему предстояла очередная миссия. А с ней — возможность порыться в карманах мертвецов и забрать все деньги.

Йохан упорно тренировался и приложил все силы, чтобы довести навыки убийцы до совершенства. Довольно скоро ему удалось повысить класс с «С» до «В».

«Чем сильнее я стану, — думал Йохан, — «тем чаще Липучка будет использовать меня». Ему хотелось стать настолько сильным, чтобы Софии больше никогда не пришлось убивать.

И действительно: чем больше мастерства он показывал в бою, тем чаще его использовал Липучка. Йохан и сам частенько вызывался выполнить то или иное задание. Да и стычки с другими сумеречными тоже стали нередким делом. Обычно класс сумеречного определялся его врождёнными способностями. Йохан не был исключением, но он восполнял недостаток физической силы «церебре», продолжая воплощать желания Липучки.

Так прошло ещё семь лет. Йохану исполнился двадцать один год, Софии — девятнадцать.

Однажды, сидя в одиночестве в своей хижине, Йохан услышал голос вернувшегося домой Липучки. И этот голос ему не понравился.

Липучка был в бешенстве. Выкрикивая ругательства, он пинал и швырял всё и вся, что попадалось ему под руку: бутылки с выпивкой, стулья, стол, собственную собаку, служанок, подручных.

Голос у Липучки был премерзкий, но Йохан терпеливо вслушивался в его ругательства на случай, если его позовут. Ему вменялось в обязанность появляться перед хозяином спустя пару секунд после окрика. Если Йохан не успевал, его наказывали, но в последнее время Липучка переключился на Софию. Что ни говори, злодей до мозга костей.

Липучка ревел, словно зверь, у которого начался гон, и вычленил из его воплей хоть что-то существенное было непросто, но Йохан разобрал, что хозяин проигрался в карты, и очень крупно.

— Грёбанный чмошник! Он ещё не знает, с кем связался, урод! — с негодованием выплюнул Липучка и позвал Йохана с Софией.

Брат с сестрой явились быстро и встали рядом в саду. Ступать они старались неслышно — лишь бы не разозлить Липучку шорохом шагов. Хозяин, сидевший на диване в гостиной, бросил на них взгляд через открытое окно, а потом кинул в Йохана горячей сигарой и промазал, отчего настроение у него только испортилось.

— Эй, меченый! Как давно ты здесь?

Не понимая, что будет от этого ответа, Йохан постарался сказать точно:

— Около девяти лет, сэр.

— Ясно. Ты на удивление хорошо работал. Держу пари, ты здорово устал. Пора бы тебе отдохнуть.

И тогда Йохану стало страшно как никогда в жизни. Липучка точно не собирался его награждать — не таким он был человеком. К тому же за ласковыми словами клокотала ярость. В голосе хозяина чувствовалось нечто такое, чего он прежде никогда не слышал, хоть и научился уже предсказывать, когда его ждёт зуботычина, пинок или приказ кого-то убить.

Липучка небрежно обрезал кончик новой сигары и поджёг её. Потом медленно втянул дым и

на выдохе произнёс:

— Йохан, не двигаться.

Юноша почувствовал, как по лбу стекают капли холодного пота. Йохан и догадаться не мог, что же выкинет Липучка, но знал точно: если подчинится — случится что-то плохое. Вот только тело наотрез отказалось двигаться, исполняя приказ хозяина. Оттого ли это случилось, что сумеречные подчиняются Трём Законам? Или оттого, что без «церебре», которое давал ему Липучка, Йохан был не выжил? Ни то, ни другое.

К тому времени, как Йохан начал себя осознавать, у него уже были «хозяева», как у какого-нибудь животного. Правила вросли в него, стали частью его инстинктов и не позволяли послушаться приказа.

Липучка указал сигарой на Софию и приказал:

— Эй, София! Убей Йохана.

Мозг Йохана отказывался понимать происходящее.

Он вспомнил старого пса. Того самого, которого застрелила его сестра и которому он раздавил череп. Но если София сейчас выстрелит в него, то кто раздавит его череп? Мысль о том, что младшую сестру заставят его убить, была невыносима. Так, может, попытаться покончить с собой прежде, чем она спустит курок? К подкладке пиджака Йохан прикрепил метательный нож, с которым он тренировался. Нож маленький — чуть длиннее указательного пальца, но таким вполне можно вскрыть себе горло.

Но Йохан не двигался, и на то была только одна причина: так ему сказал Липучка. Йохан, словно дрессированный пёс, не мог противиться хозяйскому приказу, каким бы он ни был.

— Давай уже! — поторопил Липучка.

София наставила на Йохана пистолет. Руки у неё тряслись так сильно, что можно было подумать, будто это нарочно. Йохан почувствовал запах её пота и слёз. Минута тянулась за минутой, а София всё не спускала курок.

— Почему? — спросила она умоляющим голосом, — Почему я должна убить брата?

Липучка раздражённо прищёлкнул языком:

— Пошевеливайся давай! Мне надоело ждать!

София сняла пистолет с предохранителя.

В глазах у неё стояли слёзы. Она казалась гораздо младше своих лет. К тому же она вся побелела, а теперь даже губы у неё слились цветом с лицом. На шее у нее болталось ожерелье, подаренное Йоханом. Ему не нравилось видеть сестру с жетонами, поэтому вместо них он выбрал украшение в виде крыла в надежде, что хотя бы так она станет свободнее. Липучка даже не заметил подмены.

Йохан посмотрел на Липучку в последний раз.

И впервые в жизни обратился к высшим силам, умоляя их заставить Липучку передумать. Пусть приказ окажется просто жестокой забавой! Но Липучка наблюдал за ними из окна как

за случайными прохожими, рассеянно попыхивая сигаретой.

Указательный палец Софии напрягся, но...

Прежде, чем раздался выстрел, кто-то постучался в двери имения.

Понадеявшись на отсрочку, София сняла палец с курка. Брат и сестра видели через окно, как Липучка машинально перевёл взгляд на стену, за которой скрывался неожиданный гость, но так и не сдвинулся с места. Вместо этого хозяин дёрнул подбородком, подавая Софии знак не мешкать. Но стук раздался вновь, и теперь громче, гораздо громче. А потом все услышали, как что-то разбилось.

Йохан бросил взгляд на взбешённого Липучку. Тот завопил:

— Прекратите шуметь, чёрт вас дерит!

Но шуметь никто не прекратил. Более того, чувствительный слух Йохана засёк новый звук, которого Липучка, скорее всего, не заметил. Это были шаги. Лёгкая поступь совершенно беззаботного человека.

Йохан прикинул, что сулят эти шаги ему и сестре. Звук любых шагов в поместье не к добру, ох как не к добру, особенно для Липучки. С другой стороны Йохан знал, что хуже, чем сейчас, уже точно не будет.

Кем бы ни был таинственный незнакомец, судя по звуку шагов, он направлялся в гостиную. Дверь распахнулась.

Йохану казалось, что за окном лежит какой-то другой мир, и он наблюдает за этим миром отстраненно, как Липучка, когда отдал приказ Софии, сжимающей пистолет в руке.

В комнату вошёл мужчина лет тридцати в безвкусном полосатом костюме.

Стоя под прицелом пистолета, который против воли направляла на него любимая сестра, Йохан лениво подумал, что этого мужчину легко запомнить — очень уж необычный цвет он выбрал для наряда. И ещё — что он похож на жука. Его фигура так бросалась в глаза, так выделялась в интерьере скучной гостиной, что Йохану мужчина показался бредовым видением.

Но юноша узнал незваного гостя. Как-то раз он в качестве телохранителя сопровождал хозяина на собрание мафиозного клана. Там-то он и заметил этого нелепого человека. Как его зовут, Йохан не знал, но, судя по всему, он тоже был капореджиме, как и Липучка. Если память не изменяет Йохану, это был...

— Чего тебе надо, бродячий пёс?

Точно. Бродяга.

Так его звали. Все ненавидели этого бешеного, который не мог сладить ни с одной организацией. Оставалось лишь удивляться, как такой человек вообще сумел стать капореджиме. Но Йохану запомнилось не это, а узор на его костюме.

Бродяга, похожий на жука, криво усмехнулся.

— Пришёл забрать то, что выиграл. Боюсь, завтра я об этом просто забуду.

— Не волнуйся, сегодня же вечером тебе всё доставят.

— Ну уж нет, вонючий труп мне не нужен. Ты ставил бешеного пса, который убил сто человек, так?

— Говорю же — его тебе доставят всего целиком, ни один пальчик не забудут. Не будь жадиной и не требуй большего, чёртова шавка! Пойди лучше погрызи кости. Или, может, хочешь выпросить немного свинца?

Из разговора в гостиной, наконец, стало понятно, что же случилось между ними.

Липучка поставил на кон Йохана и проиграл, но отдавать своего меченого Бродяге даже не почесался.

Это же поняла и София: не снимая Йохана с прицела, она уставилась на мужчину в полосатом костюме, всем лицом умоляя что-нибудь сделать. Об этом мысленно умолял и Йохан.

Они будут спасены.

Сестре не придётся убивать брата.

Липучка приказал Йохану не двигаться, вот только приказал, не будучи хозяином. Стоит Бродяге сказать хоть слово, например «беги!» — и Йохан освободится из этого чистилища. Вряд ли его новый хозяин хочет прямо здесь и сейчас потерять свой выигрыш.

Но вместо этого раздался вопль Липучки:

— Ты чего там копаешься? Стреляй уже, сволочь!

Услышав приказ, София нацелилась получше, но так и не спустила курок. Ждала, что скажет Бродяга. Йохан тоже сосредоточил всё своё внимание на новом хозяине.

Тот же, едва посмотрев на выигранного сумеречного, вопросительно вскинул брови и бросил:

— Эй, ты! Кажется, попал в передрагу? Так чего стоишь?

Йохан вытаращил глаза. Как можно не знать причину? Зачем спрашивать об очевидном? Он просто выполнял распоряжение предыдущего хозяина. Неожиданно для самого себя он не сдержался и взмолился:

— Прошу вас, дайте мне новый приказ!

Бродяга, похоже, совсем забыл о Липучке и, услышав просьбу, подошёл к окну, выставил ногу на подоконник и... выпрыгнул во двор.

Это потрясло Йохана до глубины души. Он думал, что за окном находится едва ли не другое измерение. Какая-то жизнь, с которой ни он, ни сестра никогда не соприкоснутся. Но этот человек как ни в чём не бывало перешёл границу. Его полосатый костюм чуть ли не ел глаза. От Бродяги несло пылью и чем-то звериным, но так и должен пахнуть бродячий пёс — вот что подумалось Йохану.

Бродяга усмехнулся.

— А, понятно. Смотрю, тебя разбаловали до невозможности.

Разбаловали? Это его-то, Йохана?

Как ни посмотри, а заявление далеко от истины. Йохан не знал, как обычно воспитывают детей, но в одном был уверен: его никогда не баловали.

— Ты, видно, ни разу в жизни не убивал?

— Убивал. Я убил кучу народу.

— Послушай меня, мальчик: людей убивает не оружие и не пули. Людей всегда убивают другие люди. В отличие от этого твоего волосатика, я всякими глупостями не занимаюсь и брать на себя ответственность за твою жажду крови не намерен. Мне не нужен пёс, которого удерживает цепь.

У Йохана перехватило дыхание. Он впервые заглянул себе в душу.

Была ли в нём вообще жажда убийства? Был ли на свете кто-то, кого он хотел убить сам, без приказа?

Бродяга распостёр руки в широком жесте ярмарочного фокусника. В его глазах мелькнул отблеск безумия.

— Давай веселиться, Йохан! Хочешь убивать — убивай. Хочешь умирать — умирай! У меня ты не будешь знать отдыха, но клянусь — ты будешь свободен!

Йохан хотел посмотреть на Софию — какое у неё сейчас лицо? Но не стал. Он уже нащупал свою жажду крови. Он хотел убивать. Не ради неё и не ради кого-то другого. Это была его собственная жажда.

Он выхватил из-за пазухи нож и метнул. Клинок полетел вперёд, без труда пересёк границу, отделяющую его мир от законного, и так же без труда вспорол горло Липучке.

Изо рта гангстера с шипением вырвался последний вонючий вздох. Тот, кто всегда так много шумел, напоследок не смог издать ни звука. Вот так Йохан совершил своё первое настоящее убийство.

Похоже, известие о том, что слуга из меченых убил капореджиме, наделало в семье много шума.

В итоге Бродяга — на самом деле его звали Дарио — покинул семью, прихватив с собой Йохана.

Боссы требовали, чтобы Дарио принёс им голову Йохана, но тот не подчинился приказу. Сам Бродяга утверждал, что ушёл, потому что ему стало скучно. Но на деле семья сама порвала с ним и попросту вышвырнула на улицу.

У Йохана началась тяжёлая жизнь, поскольку достать «церебре» стало непросто. Но, как ни странно, без наркотика он не умер. Слова и поступки Дарио казались безумными, но он как ни в чём ни бывало преодолевал любые трудности у них на пути. Он начал называть Йохана младшим братом и потребовал, чтобы и тот обращался к нему по-свойски, без церемоний.

Вдобавок Дарио всегда был в прекрасном расположении духа, и для Йохана его жизнерадостность неизменно оставалась загадкой.

— Почему ты стараешься ради меня? — однажды спросил у него юноша.

Чтобы капореджиме по доброй воле лишился звания и отказался от своей семьи из-за сумеречного? Немыслимо!

— А с чего ты взял, что всё ради тебя? — искренне удивился Дарио. — Я просто веселюсь от души.

— И что весёлого в моей компании?

— Ты странный.

— До тебя мне точно далеко.

Дарио только осклабился в ответ.

Лишь невозможность заботиться о Софии лежала тяжким грузом на сердце Йохана. Она так и осталась собственностью семьи.

— Чем хочешь заняться? — спросил однажды напарника Дарио.

— Хочу забрать её. — ответил Йохан.

И с этого дня они искали способ спасти Софию.

***Целый год они не могли даже напасть на её след. В итоге выяснилось, что семья попросту продала Софию.

Покупателем была семья Ломбарди — небольшой мафиозный клан из Эргастулума.

Тогда Дарио с Йоханом отправились в Эргастулум и перебили всех в семье Ломбарди, но Софию не нашли. Разузнав о клиентах семьи, они пошли по следу, устраняя их одного за другим.

И вот итог: Дарио храпит на больничной койке, перебинтованный с ног до головы. Вот она, расплата за то, что оба наконец узнали, где София. А зацепкой стали одноглазый убийца Уорик и меченый по имени Николас. Осталось убить их, и всё наконец закончится.

Глядя на безмятежно спящего Дарио, Йохан глубоко задумался.

Доктор сказал, что ему, Йохану, осталось около двух лет. Конечно, он и раньше догадывался, что протянет недолго, и ни о чём не жалел — разве что о разлуке с Софией. Если б он только мог обеспечить своей мягкосердечной сестре светлое будущее, то умер бы самым счастливым человеком на свете.

Конечно, Липучка заставлял что Йохана, что Софию работать до изнеможения, но из детей Йохан был самым безрассудным. К тому же у сестры, насколько он знал, компенсация никак не проявилась, так что её ждала довольно долгая жизнь.

От одной мысли, что он сделает свою сестрёнку счастливой, у Йохана потеплело на душе. Она будет жить в каком-нибудь спокойном мирном месте. Где-то, где от неё не будет вонять кровью. И она заведёт себе собаку — в этот раз по-настоящему. Подберёт какого-нибудь бродячего пса и будет делить с ним мягкий пышный хлеб. Этому Йохану хватило бы, чтобы умереть с улыбкой на губах, и даже сказать, что он прожил счастливую жизнь — это он-то!

Вскоре Дарио бросил храпеть и продрал глаза.

— Что, снова гости? — пробормотал он.

Йохан, конечно же, тоже уже почувствовал присутствие посторонних.

— Это Уорик и Николас. Можно я их убью?

— Зачем спрашиваешь?

— Потому что это ты мне сказал не буянить в городе. К тому же убить Николаса ты мне уже разрешил, а Уорика — пока нет.

— Да чего ты такой дотошный?

— А чего ты такой взбалмошный?

— Да просто от этого города так и разит неудачей. Думал, что тут стоит быть похитрее.

Йохан хотел было спросить Дарио, почему он не способен вспомнить даже мотивы собственных поступков, но не успел — дверь отворилась. В палату ворвалась убийственная вонь из смеси десятков видов духов и косметики. Йохана затошнило. Но в этот раз он смог чётко различить в этой мешанине запах своей сестры.

Уорик вошёл в палату. На шее у него было ожерелье. Ожерелье, которое Йохан подарил сестре.

— Привет, приятель! А где твоя вторая половина? — спросил Дарио, садясь на постели.

— Ник внизу. Прости, что разбудил.

— Не особо люблю спать. Пустая трата времени. По какому делу пришёл? Опять пожелать выздоровления?

— Хочу кое-что спросить, — неискренне улыбнулся Уорик. Лицо его не выражало ни счастья, ни печали. — Это вы — те самые убийцы мафиози?

— Как знать, — без раздумий ответил Дарио. — Впервые слышу это дурацкое прозвище, но что-то в нём есть знакомое. — Затем он указал на шею Уорика. — Ты мне тоже кое-что скажи. Это ты купил женщину по имени София?

Уорик кивнул.

— Мы сбежали вместе. Она как раз по мне. Никому её не отдам.

— Тогда у нас проблема. Мне нужна эта женщина.

— Вообще-то не тебе, а этому пацану, верно? Впрочем, какая разница? У меня своя проблема — мне вас заказали, ребята.

— Отлично.

— Отлично? Что «отлично»?

Дарио оскалился в ответ своей невинной безумной улыбкой, которая делала его похожим на зверя. На зверя, какому неведомы границы добра и зла.

— У каждого из нас есть то, что хочет заполучить другой. Ставки сделаны. Осталось решить, во что сыграем.

Уорик недовольно пожал плечами:

— Разве ставки равноценные?

— Что ты несёшь, чёрт возьми? Разве жизни двоих мужчин не стоят одной женщины?

— Серьёзно? Я вот, скажем, не стал бы пить с мужиками, и без разницы, сколько их будет. Другое дело женщина — для неё я всегда готов.

— Но с другом ты бы выпил, не так ли? Тебе ведь нужна моя жизнь. Сделай ради меня исключение, приятель.

— Какова наглость, — губы Уорика скривились в усмешке. — Договорились. Но я выбираю, во что мы играем.

— Ни в чём себе не отказывай. Только будь добр: избавь меня от жульничества.

— Дарио, я готов драться. Не стоит полагаться на какие-то игры, — вмешался Йохан, всё это время стоявший у больничной койки.

— Хорошо, вот что мы сделаем, — Уорик указал на Йохана. — Мой напарник и твой брат будут драться. А мы поставим всё на победителя. На кого сделаешь ставку?

— Ясное дело — на своего братишку! — ухмыльнулся Дарио. — Уверен, что хочешь поставить на этого своего молчуна?

— Конечно. Ник не проиграет.

— Значит, по рукам. Я ставлю наши с Йоханом жизни. Ты ставишь Софию. Победитель получает всё. Возражения есть?

— Возражений нет. Но я немного спешу. Давай начнём прямо сейчас.

— Я так и собирался сделать.

— Уверен? А если безвкусная больничная еда станет твоей последней трапезой?

— Я не проиграю. Удача всегда на моей стороне.

— Правда?

— Я не помню мелочей, но думаю, что не проиграл в азартные игры ни разу в жизни. Спроси Йохана, он скажет.

Уорик повернулся к юноше с молчаливым вопросом.

Йохан вздохнул. Дарио и правда сопутствовала удача в азартных играх, но, само собой разумеется, непобедимым его не назовёшь. Он и сам сказал примерно то же самое. Он просто не помнил своих поражений.

Но сегодня всё будет иначе.

— Конечно, правда, — кивнул Йохан.

Уголки губ Уорика приподнялись в улыбке. Он повернулся к двери.

— Уверен, вам двоим есть что сказать друг другу напоследок. Встретимся у дивана на свалке, где мы нашли Йохана. Не заставляйте себя ждать, — и, помахав на прощание, Уорик покинул палату.

Дарио вскочил с постели, скинул больничный халат и сорвал с себя бинты.

— Братишка, не знаешь ли, где мой клёвый костюм?

— Ты уверен,? — тихо спросил Йохан, вынимая костюм из шкафа.

— Уверен в чём?

— Ты рискуешь своей жизнью ради меня.

— А с чего ты взял, что это ради тебя? Никогда ещё я не делал такой волнующей ставки. Ах, как же весело! Ой, больно! — тут же пробормотал он, прижимая ладонь к ране на бедре.

— Спасибо. Я не проиграю. — искренне пообещал Йохан, подавая коротышке костюм.

— Разумеется, — осклабился Дарио. — Я тут ничего не смогу сделать, так что твоя работа — обеспечить мне победу.

<http://tl.rulate.ru/book/90595/2911288>